

Размышления над новой книгой

©1995г.

А.И. ЗИМИН

В РОССИИ ДЕЛО ОБСТОИТ ИНАЧЕ

Книга В.К. Кантора «В поисках личности: опыт русской классики» (М.: Московский философский фонд, 1994. 240 с.) — попытка рассмотреть динамику формирования и осмысления личности в истории отечественной литературы. Поэтому на первый взгляд может показаться, что ее критический анализ — дело филолога, а отнюдь не философа или социолога. Однако столь поспешный приговор лишен достаточных оснований. Дело в том, что собственно обществоведческие потуги более или менее удовлетворительно справиться с данной проблемой наталкиваются на значительные трудности не только методологического, но и предметного характера.

Практически все без исключения сциентистские попытки приблизиться к решению этого вопроса оказываются теми или иными вариантами редукционизма — сведения сложного и богатого содержанием феномена личности к его предельно упрощенным социальным, психологическим, биологическим, механическим и т.п. основаниям. При этом создается иллюзия научного понимания личности, но суть его в результате редукционистских односторонностей утрачивается или становится спорной. Дело во многом усугубляется попытками связать тот или иной тип личности с конкретными социальными и историческими условиями ее бытия: когда возникает личность (если возникает), в каких социальных системах (большинство исследователей склоняются к мысли, что в условиях первобытно-родовой организации общества личности еще не существовало, так как община, коллектив были носителями сознания, а потому отсутствовали необходимые условия для формирования самосознания), универсальна ли она и т.д.

Подобные затруднения делают вполне естественным стремление исследователей разобраться в исторических и культурных основаниях проблемы, вникнуть в ее суть, ориентируясь на логику генезиса феномена личности как онтологической реальности, с одной стороны, и на то, как эта реальность становится осознанной, т.е. получает теоретическое, идеальное выражение, — с другой.

Поскольку научно-эмпирический материал по данному вопросу оказывается на сегодня практически исчерпанным, задействованным в различных конкурирующих и вместе с тем взаимно дополняющих системах, любая попытка взглянуть на проблему личности под новым углом зрения, с привлечением нетрадиционного материала может оказаться плодотворной. С этой точки зрения введение в поле исследовательского внимания обществоведов литературно-художественных изысканий способно открыть новые перспективы. Именно это оказывается, пожалуй, наиболее ценным свойством работы В.К. Кантора.

Далее необходимо отметить, что рецензируемая книга — многоплановое произведение. Она написана в форме относительно самостоятельных очерков, что называется, на стыке таких научно-теоретических дисциплин, как социальная философия, филология и культурология. Думается, это не случайно. Ведь история российского просвещения теснейшим образом переплетена с историей отечественной литературы, в недрах которой сформировалась светская философская мысль, а вместе они составили основу новой культуры, способствовавшей появлению и развитию в России такой социальной группы, как «образованный класс».

Именно с этим явлением, соединившим живой человеческой связью культуры Европы и России, было сопряжено становление российского светского самосознания, обусловившего овладение русским просвещенным обществом основами общественности и личности.

Автор книги на основе очеркового анализа деятельности выдающихся российских литераторов-просветителей — М.М. Карамзина, А.С. Пушкина, В.Г. Белинского, П.Я. Чадаева, Н.В. Гоголя, К.Д. Кавелина, революционеров А.И. Герцена, Н.Г. Чернышевского, писателей-философов Ф.М. Достоевского, И.А. Гончарова и других показывает, как в недрах просвещенного российского общества, начало которому было положено реформами

государственной власти, сложилось осознание трагической безличности российской действительности — оборотной стороны самодержавного правления, и, как следствие, родилось в образованной среде естественное желание восполнить этот пробел — создать необходимые социально-политические и культурные условия для свободного развития личности.

От такой постановки вопроса молодой российской интеллигенции один шаг до осознания ею своего мессианского предназначения в качестве носительницы «народу» просвещения, освободительницы от «деспотизма» и «гнета» самодержавия. Самодержавие могло достаточно успешно править безличностным обществом подданных. Общество, в котором появляется хотя бы ограниченно свободная личность (первоначально в среде дворянства, добившегося в годы правления Екатерины II «вольности»), неминуемо вступает в противоречие с системой, которой нужны позитивные, практические знания подданных, но не их личностное самосознание. Просвещение российского общества породило «резкое критическое отношение к существующему порядку мироустройства» (с. 25). Этого оказалось достаточно, чтобы напугать самодержавную власть и побудить ее к сдерживанию социальных устремлений интеллигенции и развития в ее среде личностного начала, требовавшего провозглашения и признания за личностью тех прав на свободу творчества, самовыражения, которые в принципе исключала самодержавная система.

Чтобы прийти к пониманию этого обстоятельства, русское образованное общество должно было, вооружившись методами рожденной Европой науки, погрузиться в изучение отечественной истории. А это способствовало, во-первых, формированию национального самосознания, и, во-вторых, введению России в историческую перспективу. Последнее позволило понять, что Россия и Европа различаются не только культурой, уровнем цивилизованности, но также и положением человека в обществе.

В результате проблема человека, точнее — личности стала центральной для всей русской литературы второй половины XVIII — начала XX века. Уже со времен Карамзина, как справедливо показывает автор книги, «человеческая мера, примененная к историческим событиям и историческим деятелям» (с. 31), становится для русской литературы (художественной, научной или философской) определяющей: «...Это литература, обратившаяся к человеку в его соотношении с историей народа и государства» (с. 31).

«История», «государство», «общество», «просвещение», «образование», «личность», «свобода» — усвоение этих понятий образованным российским обществом в корне изменило культурно-мировоззренческий климат в нем, заставило искать теоретически обоснованных перспектив России. Но выразиться это могло на первых порах в виде свободной от государственных указаний литературе — той новой для России культурной реальности, в рамках которой образованный человек самодержавного государства рассчитывал выразить свое Я, свою личность наиболее свободно.

Рецензируемая книга позволяет установить, что судьба личности и попытки ее освоения, осознания в Европе и России принципиально различны. До середины XVIII века в России личности в гражданском смысле не существовало. Она воспринималась главным образом через призму православия, т.е. венаучно и неполитично. В Западной Европе к этому времени личность не только стала предметом обсуждения светской, секуляризированной науки, но и приобрела в просвещенном общественном сознании статус важнейшей жизненной ценности, с которой должны считаться не только общественные, но и государственно-политические институты. Западная Европа через развитие мировоззрения Возрождения, раннего и особенно зрелого Просвещения пришла к пониманию личности как высшей, сущностной ценности человеческого бытия. В этом своем качестве она превратилась в один из главных классификаторов и регуляторов индивидуального и общественного действия. Наука, культура, образование, правовые институты, мировоззрение закрепили ее в таком качестве в глубинах индивидуального и общественного сознания.

Иначе дело обстоит в России. В ней не только личности, но и общества в западно-европейском смысле этого слова не существовали до начала интенсивного светского просвещения и образования, главным объектом которых становится человек. Но природа человеческая такова, что все внешние воздействия на нее — как вещественные, так и духовные — имеют свойство переводиться во внутренний план, интериоризоваться, усваиваться, питая тем самым неизбежные изменения внутреннего духовного мира человека, на уровне которого возникает самосознание, т.е. осознание Себя не только в качестве страдательного объекта усвоения внешних воздействий, но и субъекта, способного оказывать известное действие на этот процесс, регулировать его в соответствии со своими внутренними побуждениями.

В результате этого на уровне самосознания формируются представления человека о себе как о личности — субъекте божественного или природного происхождения, уникальном и неповторимом, изначально свободном. Представления о личности без свободы быть не может. Это подтверждает вся история христианского богословия, начиная по меньшей мере с Августина Блаженного. Вместе с тем секуляризированное мировоззрение поднимает вопрос о природных основаниях человеческой свободы — войны всех против всех или свободы заключения общественного договора, накладывающего социальные ограничения на вроденную свободу. Тем самым в метафизическом смысле свобода начинает соприкасаться с необходимостью, как это было, например, у Спинозы, первым на основе принципов рационального мышления провозгласившего, что свобода есть осознанная необходимость, в юридическом же, правовом смысле: «моя свобода кончается там, где начинается свобода другого».

Очевидно, что возникновение такого рода представлений — следствие материального и духовного развития культуры, в основе которой наряду с религиозным лежало научное (рационально-эмпирическое) и практическое (преимущественно опосредованное техникой) отношение к миру.

Для иного типа культуры, каковой и являлась до начала светского просвещения, культура российская, достаточно было в ее жизнедеятельности понимания человека как твари, спасающей в мирской жизни словом божьим. Это совершенно иная мировоззренческая и культуротворческая установка — не хуже, но и не лучше западноевропейской. В ней не было «мудрствований» по поводу светского государства, общества, личности, но и без всего этого ее было достаточно для организации русской жизни до конца XVII века.

Характеризовало же эту жизнь не развитие экономики, производства, науки, техники, инженерного дела, а добротолубие, милосердие, подвижничество, святость и другие установки, усвоенные не формально, но душевно-содержательно Русью в процессе христианского, просвещения.

Две христианских культуры не могли бесконечно жить изолированными друг от друга. И Русь первая делает шаг к культурно-цивилизационному сближению, в буквальном смысле усваивая язык и другие коммуникативные средства Западной Европы. Вместе с языками она получила доступ к технике, культуре, цивилизации и научно-философскому мировоззрению Европы, которое к тому времени значительно отстранилось от религиозного мировоззрения. В результате Россия государственно-политическими средствами (учеба квалифицировалась в начале XVIII века как служба государю и отечеству) овладевает технико-научным, культурно-образовательным, историческим и мировоззренческим инструментарием Европы и пытается использовать его для внутренних культурно-цивилизационных преобразований.

Замысел благой, но у него непредвиденные последствия. Человек, даже в служебном порядке приобщающийся к науке и образованию, испытывает несанкционированные делами службы изменения своего внутреннего мира, самоощущения, переходящего в самосознание в качестве личности и общественного существа. Не случайно «общественность» в России складывается именно на рубеже XVIII—XIX веков, когда светское просвещение ведет к формированию светского общества.

Однако, возникнув по инициативе государственной, политической власти, чтобы служить ей, русское светское общество составляет собой среду, в которой зреют не только семена культуры, сближающей Россию с Европой, но и оппозиционные власти силы, новое мировоззрение, для которого авторитет самодержавия, покоящийся на традиции церковного миропомазания на царство от лица господ, становится анахронизмом, деспотизмом, препятствующим свободному развитию личности, права которой обеспечиваются ее естественным происхождением.

Именно здесь узел тех проблем, которые обусловили формирование и развитие национального светского самосознания, чьи перипетии составляют основное содержание российской культурной истории вплоть до революции 1917 г. И связано все это было с развитием российской литературы, в недрах которой зародилась и оформилась российская философская и социально-политическая мысль, в свою очередь стимулировавшая развитие этой литературы.

Очевидно, что литература — способ выражения идей. «Но идея проявляется через личность. Для ее торжества в культуре, для преобразования культуры, необходим человек, способный пожертвовать своей жизнью идее, и сделать это сознательно, так сказать, рефлексивно» (с. 69). А это и означает, что в России в обществе именно через литературу, литературный труд сформировалась личность как субъект мышления, деятельности, со-

циальных отношений, творчества культурной реальности. В отечественной литературе как в фокусе сошлись заданные Просвещением лучи", векторы, направления формирования личности, самостоятельно отвечающей за свое место в мире (см, с. 86).

Вряд ли можно назвать другую такую страну, в которой литературная деятельность имела столь глобальные социально-политические последствия. Она не только творила и популяризировала идеи. При посредстве литературы, под ее непосредственным влиянием рос и воспитывался человек, осознавая свою самоценность в качестве личности, которой для подлинного развития нужна не только духовная (в религиозном смысле), но и социально-политическая свобода.

Важнейшими темами в истории этой литературы были личность и свобода (воля). На наш взгляд, автор книги совершенно справедливо полагает, что становление личности послужило в нашей истории фактором, позволившим усвоить достижения мировой культуры и развить собственные потенции, открыть для себя мир и открыть миру себя.

Разумеется, что подавляющая часть этой литературной работы приходилась на образованный слой русского общества, но слой в масштабах страны весьма тонкий. Правда, на протяжении XIX века по мере создания и развития системы светского образования, он постоянно увеличивался, медленно, но неуклонно. Однако вместе с ростом просвещенного слоя углублялся его культурный отрыв от массы непросвещенного народа. В этом последнем не могло само собою родиться представление о личном начале как принципе социально-политического и культурно-исторического прогресса. И все же он традиционно ощущал свою монолитность, которую постепенно взламывала деятельность просвещенного слоя. Она для этой внешне бесформенной массы — народа — явилась той личностной закваской, которая сообщила ей мощное инерционное движение, всколыхнула народную стихию и в конечном итоге стала первой крупной жертвой этой разбушевавшейся стихии. Народ-богоносец, вызванный к политической жизни, объявил тех, кто больше всех ратовал за его социально-политическое и духовное освобождение, «врагами народа». «Великая сила народного духа была обращена не на созидание и творчество, которые исключают самоуспокоенность, предполагают самокритику, самодисциплину и самодеятельность... а не разрушение всего непонятного и чуждого этой стихии» (с. 131).

Революционная стихия разрушила практически все институты былой культуры. Но эта же стихия, сцементированная новыми идеями и государственным устройством — несовершенным и по сути своей жестоким — послужила источником и материалом построения нового великого государства, которое с 1917 г., без преувеличения, на протяжении семи с лишним десятилетий определяло судьбы мира, — где положительно, а где и отрицательно стимулируя мировой прогресс. Поэтому, на мой взгляд, автору не стоило бы обрывать историю развития личности в России на пессимистической ноте, так как последствия разрула российской стихии не поддаются однозначным оценкам.

Правда, автор отмечает плодотворный для развития культур контакт и пагубность изоляционизма, неизбежно несущего несвободу личности. То и другое в его глазах обусловлено победами различных форм национального самосознания (см. с. 214). Так, по его мнению, «в облике большевизма побеждают самые консервативные из славянских идей» (с. 129). Однако, думается, дело все же не в изначальной прогрессивности европеизма, западничества и консерватизме изоляционизма, славянофильства, а в поиске разумной меры культурно-цивилизационных контактов, стимулирующих модернизацию культур и сохранение традиционных ценностей — материальных и духовных, без которых культура и нация утрачивают свое лицо, свою самость и становятся в лучшем случае маргинальными, клочевыми. Без известной унификации культурных ценностей человечеству в эпоху глобализации не обойтись, но и глобальная унификация по единому образцу — европейскому, славянскому, арабо-мусульманскому или панамериканскому для представителей иных культурных традиций — трагедия, на которую они вряд ли добровольно согласятся.

В целом работа В.К. Кантора дает богатую пищу для размышлений. Она насыщена историософским и культурно-историческим материалом, что свидетельствует о большой эрудиции автора. Знакомство с ней будет полезно всем, кто интересуется историей российской культуры — философской, литературной, научной, социальной и политической. Книга дает хороший импульс для анализа, критики и коррекции современных представлений о личности и свободе в России.